

О. В. Семенов*

СИСТЕМА ЯМСКОЙ ГОНЬБЫ В СИБИРИ В КОНЦЕ XVI–XVII вв.: КАЧЕСТВО ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ

С НАЧАЛОМ ПРОЦЕССА присоединения к Московскому государству необъятных сибирских территорий перед правительством встала задача по укреплению своих позиций в крае, его освоению и последующему развитию. Необходимым условием этого являлось налаживание системы регулярного сообщения с далекой «государевой отчиной». Вот почему с конца XVI в. «за Камнем» учреждается профессиональная ямская гоньба. В последующем, наряду с Верхотурским, здесь также оформляются Туринский, Тюменский, Демьянский и Самаровский ямы.

Несмотря на явную преувеличенность бытующего в литературе представления о серьезности присущих системе ямской гоньбы недостатков, следует признать, что степень эффективности ее функционирования далеко не всегда оставалась на высоком уровне. Во многом это объяснялось тем сложным положением, в котором на протяжении всего XVII в. находились сибирские ямщики. На них возлагалась непростая обязанность по транспортировке казенных грузов и ехавших по служебной необходимости лиц, для чего «летним путем» «охотники» представляли проводников, лошадей с телегами или необходимой для верховой езды конской упряжкой («с седлы и с узды»), а «зимним временем» – лошадей с санями и «с хомуты» (или «нарты с собаки»). С целью обеспечения движения по воде ими выделялись суда, гребцы и кормщики. Тяготы службы усиливались благодаря тому обстоятельству, что сибирские ямские охотники долгое время не получали такого характерного для европейской части страны вознаграждения, как прогонные деньги. Более того, рост интенсивности гоньбы (вызванный процессом дальнейшего освоения края) при неизменности численности паев, приводил к необходимости привлечения дополнительных подвод, которые ямщики были вынуждены нанимать на стороне «с великою нужею дорогою ценою»¹. К этому же следует добавить постоянные задержки в выплате жалованья, которого «охотникам» даже при своевременной выдаче, порою, «не ставало и на полгода»², незначительные размеры окладной пашни³, различные злоупотребления со стороны представителей воеводской администрации. Кроме того, в противовес царскому указу 1556/57 г., освобождавшему ямщиков от несения прочих повинностей⁴, в действительности их активно привлекали к расчистке и поддержанию дорог⁵, строительству и ремонту судов «под государевы хлебные запасы» и про-

* Семенов Олег Владимирович, кандидат исторических наук, ассистент кафедры истории России Уральского государственного университета им. А. М. Горького (Екатеринбург).

¹ См., напр.: РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 496. Л. 57; Стб. 990. Л. 145.

² См., напр.: Там же. Стб. 593. Л. 37.

³ У самаровских ямщиков, по причине суровых климатических условий, пашенные земли вообще отсутствовали.

⁴ Законодательные акты Русского государства второй половины XVI – первой половины XVII века. Тексты. Л., 1986. С. 44.

⁵ См., напр.: РГАДА. Ф. 1111. Оп. 1. Стб. 304. Л. 477; Оп. 2. Стб. 423. Л. 8.

езжих лиц⁶, обязанности беречь их «от вешние воды и от вешняго ж льду... и окалывать, и вода из них лить летом и в осень на места угодные ставить»⁷, возведению казенных сооружений, церквей и т.д. Вдобавок, ввиду острой нехватки в сибирских гарнизонах служилых людей, на них могли также возлагать военные обязанности, в частности, несение караульной службы⁸. В ряде случаев с ямщиков взимались общегосударственные налоги («пятая» и «десятая» деньга)⁹. К этому необходимо добавить поджидавшие на пути опасности, а также значительность вызванного серьезными перегрузками и суровыми природными условиями конского падежа. О всей неприглядности ямской службы свидетельствуют постоянные побег ямщиков и возникавшие при их наборе трудности. Так, в 1647/48 г. верхотурские «охотники» подчеркивали, что на пустые пай им «прибрать никово не мочно ни из каких людей», поскольку «нихто вновь на ям не идет»¹⁰. Все это вносит серьезные коррективы в расхожее представление о том, будто ямщики находились в несравненно лучшем положении, чем многие другие категории населения Московского государства¹¹.

Помимо обременительной службы, качество функционирования системы связи в крае ухудшалось, благодаря злоупотреблениям со стороны ямщиков при выполнении ими своих профессиональных обязанностей. Применительно к европейской части страны исследователи уже отмечали склонность «охотников» к воровству¹². Не оставались в стороне и их сибирские коллеги. По-настоящему детективная история развернулась в начале XVII в. Тогда следовавший в Москву тобольский казак Г. Леонтьев был ограблен на 14 рублей «без гривны» и брошен на дороге вместе с «колодниками» своими «проводниками» – верхотурскими ямскими охотниками И. Комарихиным и В. Чернавиным «с товарищи». Недолго думая, пострадавший бросился в погоню и «сугнал» обидчиков на Верхотурье. Однако те «выскачили из своих дворов с ослопы и с луки, и хотели его застрелить». В дело вмешался письменный голова Г. С. Салманов, однако ямщики «перехоронились»¹³. В 1673 г. верхотурские воеводы стольник Ф. Г. Хрущев «с товарищи» развернули сыск по обвинению ссыльным С. Семеновым ямского охотника И. Стришкова в «грабеже» перевозимых последним жены, тещи, детей и имущества истца¹⁴. К сожалению, исход обоих дел остается неясным.

Порою, ямщики попросту отказывались от предоставления проезжающим необходимых подвод. Так, 3 марта 1686 г. из Тобольска в Москву вместе со сметными и пометными списками, а также именными книгами за прошлые годы выехал дьяк Ф. А. Злобин. Однако в Туринском остроге ямские охотники «учинились ослушны» и по тобольской подорожной подвод ему не дали. В результате

⁶ См., напр.: Там же. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 448. Л. 144, 153; Стб. 990. Л. 6, 28; Ф. 1111. Оп. 1. Стб. 86. Л. 19.

⁷ См., напр.: Там же. Стб. 354. Л. 242.

⁸ Миллер Г. Ф. История Сибири. М., 2000. Т. 2. С. 562; Внукова О. В. О служилых обязанностях ратных людей Западной Сибири // Западная Сибирь: история и современность. Тюмень, 2003. Вып. 5. С. 35.

⁹ См., напр.: РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 487. Л. 316 об.

¹⁰ РГАДА. Ф. 1111. Оп. 2. Стб. 55. Л. 6.

¹¹ См., напр.: Вигилев А. Н. История отечественной почты. М., 1977. Ч. 1. С. 67; Козловский И. П. Первые почты и первые почтмейстеры в Московском государстве. Варшава, 1913. Т. 1. С. 28.

¹² Гурлянд И. Я. Ямская гоньба в Московском государстве до конца XVII века. Ярославль, 1900. С. 268.

¹³ Верхотурские грамоты конца XVI – начала XVII в. М., 1982. Вып. 1. С. 125–126.

¹⁴ РГАДА. Ф. 1111. Оп. 2. Стб. 223. Л. 1–9.

этого дьяк был вынужден нанимать их до Верхотурья на свои деньги «дорогою ценою». Впрочем, в последнем в средствах передвижения ему было отказано вновь. Нанять же «охочих людей» до Соликамска Злобин не сумел, поскольку к этому времени «учал быть путь зимней самой последней». Трудно сказать, пытались ли местные власти вмешаться в разгоревшийся конфликт. Известно лишь то, что 20 марта дьяк был вынужден передать отчетную документацию верхотурским воеводам (чтобы самому из-за «замешкания» доставки документов «в опале не быть»), которую они вместе с челобитной потерпевшего переслали в Москву. Наконец, в середине июня вышло правительственное распоряжение с предписанием предоставить Злобину от Верхотурья до Москвы необходимые подводы «с телеги и с проводники»¹⁵. При этом остается неизвестным, понесли ли туринские и верхотурские ямщики какое-либо наказание.

Не менее любопытная история произошла в конце 1669 г. в Тагильской слободе, когда по просьбам пашенных крестьян проживавшим здесь верхотурским ямским охотникам Т. Перевалову «с товарищи» было предписано «для россылки и наряду подводного отпуску выбрать меж себя доброго ямщика в десятники тотчас». Однако, по сообщению приказчика И. Коптева, они «верхотурских памятей не послушали», заявив о том, что отпишут об этом к ямскому старосте «на Верхотурье»¹⁶. Между тем, как подчеркивал администратор, без десятника «на Тагиле у ямщиков и у крестьян чинитца ссора и волокита большая», поскольку остается неизвестным «кого нарядить», а «охотники» отказываются гонять, на том основании, что «не их де очередь». Более того, вскоре до воевод дошли слухи о том, будто Перевалов «с товарищи» «великих государей под кречаты подвод не дали, учинились непослушны». Между тем, известно, что в конце 1660-х гг. гоньба от Тагильской слободы до Верхотурья входила в непосредственную обязанность именно верхотурских ямщиков, а не окрестных тяглецов¹⁷. В ответ смутьянов вызвали в уездный центр. Готовясь к отъезду, они демонстративно отказались везти с собой отписку слободского приказчика, а Перевалов, вдобавок ко всему, в судной избе «выпозорил» Коптева «при многих людях»¹⁸. Наконец, 9 января 1670 г. ямщики прибыли в Верхотурье, где им учинили расспрос. В свою очередь, на Тагил выехал сыщик верхотурский сын боярский М. Якубовский. Следствие подтвердило обоснованность выдвинутых против ямщиков обвинений. Поэтому по приговору верхотурских властей (от 19 января 1670 г.) ответчикам предписывалось «учинить... за их многое ослушанье наказание – бить батоги нещадно, чтоб впредь не ослушались». После этого ямщиков следовало отпустить обратно на Тагил¹⁹.

Отдельное место среди злоупотреблений «охотников» занимают случаи недобросовестного отношения к своим обязанностям со стороны должностных лиц органов ямского самоуправления. К примеру, весной 1698 г. тюменский городничий И. Голенецкий, пятидесятник пеших казаков И. Шунаев и конный казак Е. Кузнецов обвинили верхотурского ямского старосту П. Паламошного в том, что во время поездки с денежной и товарной «казной» в Москву, последний дер-

¹⁵ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 354. Л. 146–148, 149.

¹⁶ На следствии свой поступок ямщики объясняли тем, что ждали от ямского старосты «грамотку, ково выбрать в десятники по очереди. А без старосты и без совету ямских охотников выбрать» данное должностное лицо они «не смели» (РГАДА. Ф. 1111. Оп. 2. Стб. 178. Л. 8).

¹⁷ РГАДА. Ф. 1111. Оп. 2. Стб. 456. Л. 14.

¹⁸ Там же. Стб. 178. Л. 2–4.

¹⁹ Там же. Л. 20–21.

жал их на Верхотурье «за подводами два дни» и предоставил средства передвижения только после того, как получил взятку в размере 8 гривен. Царской грамотой от 29 августа 1698 г. верхотурской администрации предписывалось ответчика «бить батоги нещадно» и взять с него в казну «пени» 10 рублей. В случае отсутствия этих средств, их следовало вычестить «из нашего великого государя жалования, из мирских денег, которые впредь на Верхотурье в присылке будут, чтоб тем ямщиком так воровать у служилых людей... посулы имать и задержки чинить было неповадно»²⁰. Впрочем, 9 ноября 1698 г. Паламошный подал челобитную, в которой подчеркивал, что «никаких взяток не имывал и за подводы не держал»²¹. Следствие возобновилось и растянулось до сентября 1699 г., пока, наконец, тяжущиеся стороны не примирились, поделив между собой уплату «пенных денег»²².

Известно, что на протяжении XVII в. происходила постепенная трансформация мирской организации в низовое звено госаппарата. На это, в частности, указывают примеры многочисленных злоупотреблений должностных лиц органов общинного самоуправления, в которых все чаще оказывалась замешанной фигура местного администратора²³. В 1673 г. в Туринский острог прибыл ехавший в Москву патриарший подьячий С. Семенов. Игнорируя имевшуюся у него на руках тобольскую подорожную, ямской староста В. Осколков задержал его на 4 недели, несмотря на то, что «иных всяких чинов многих людей в то время по зимнему пути отпускали и подводы давали». В период вынужденного ожидания Семенов «испроелся» и «обдолжал великими долги». Туринск он сумел покинуть только весной «по водному пути». Но даже при этом его наделили не всеми подводами, а некоторые из предоставленных лодок оказались «худыми», вследствие чего подьячий имущество свое «перемочил». По всей видимости, основным виновником его злключения стал туринский воевода И. В. Суздальцев, который, питая к Семенову личную неприязнь и желая его «напрасно разорить», руководил всеми действиями ямского старосты²⁴.

Следует признать, что невыполнение сибирскими ямщиками своих обязанностей нередко объяснялось их тяжелым положением. Ярким образчиком этого могут послужить события вокруг начальной истории Самаровского яма. К середине 1640-х гг. его население находилось в сложной ситуации: исправно отправля гоньбу, оно, тем не менее, на протяжении нескольких лет не получало хлебного обеспечения, не имея при этом пашенных земель. В конечном счете, «не хотя голодную смертью померети», ямщики были вынуждены употреблять в пищу «пихту, да траву»²⁵. Рано или поздно слишком пренебрежительное отношение к нуждам самаровцев со стороны правительства должно было отразиться на исправном функционировании яма. Действительно, 19 марта 1645 г. направлявшемуся «для... сыскных дел» в Мангазею тобольскому подьячему, ямщики «в подводах... отказали», мотивировав свой поступок тем, что они «нужны и бедны»²⁶. По итогам проведенного расследования воевода князь Г. С. Куракин не только отказался от применения каких-либо карательных санкций, но даже был

²⁰ РГАДА. Ф. 1111. Оп. 2. Стб. 531. Л. 44–45; Стб. 611. Л. 86–87.

²¹ Там же. Л. 46.

²² Там же. Стб. 611. Л. 90–91.

²³ Семенов О. В. Становление и эволюция системы местного управления на Урале во второй половине XV – первой половине XVII в. Екатеринбург, 2006. С. 246.

²⁴ РГАДА. Ф. 1111. Оп. 1. Стб. 7. Л. 6–7, 10–11.

²⁵ Там же. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 593. Л. 97.

²⁶ Там же. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 448. Л. 78.

вынужден предоставить «охотникам» в долг 700 четей ржи и овса. Позже тобольский администратор объяснял причину своего поступка тем, что без хлеба самаровцы «ямские гонбы не гоняют и подводы не дают», отчего «многие... государевы дела стали, а ясачные люди в ямской гонбе отказали ж, а сказали, что им ямские гонбы гонять невозможно ж, а платят де они... государев ясак»²⁷.

Таким образом, источники доносят до нас немало примеров злоупотреблений со стороны сибирских ямщиков при выполнении ими своих должностных обязанностей. Это, вне всякого сомнения, отрицательным образом отражалось на качестве функционирования системы ямской гоньбы в крае. Предпринимаемые же властями попытки борьбы с ямским «воровством» не приносили должного результата, поскольку многие из противоправных действий ямщиков были вызваны их тяжелым положением. Между тем, последнее на протяжении XVII в. продолжало ухудшаться.

²⁷ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 448. Л. 79.